

На правах рукописи

МОРОЗОВ Владимир Михайлович

**КВАЗИГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ АКТОРЫ
В КОНФЛИКТАХ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ**

(на примере ХАМАС, «Хизбаллы» и ИГ¹)

Специальность 5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва – 2025

¹ Здесь и далее ИГИЛ решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. N АКПИ14-1424С — признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Работа выполнена в Центре ближневосточных исследований
Института международных исследований Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт
международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Научные
консультанты

Звягельская Ирина Доновна

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики и
международных отношений имени Е.М. Примакова Российской
академии наук», руководитель лаборатории «Центр ближневосточных
исследований»

Крылов Александр Владимирович

доктор исторических наук, профессор
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный институт
международных отношений (университет) Министерства иностранных
дел Российской Федерации», профессор кафедры востоковедения

Орлов Владимир Викторович

Официальные
оппоненты

доктор исторических наук, профессор
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», Институт стран Азии и Африки, профессор
кафедры стран Ближнего и Среднего Востока

Рыжов Игорь Валерьевич

доктор исторических наук, доцент
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И.
Лобачевского», заведующий кафедрой истории и политики России
Института международных отношений и мировой истории

Филин Никита Александрович

доктор исторических наук, доцент
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский государственный гуманитарный
университет», заведующий кафедрой современного Востока и Африки

Ведущая
организация

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт востоковедения Российской академии наук»**

Защита состоится «_____» _____ 2025 года в «10:00» часов на заседании
диссертационного совета ПДС 1000.009 при ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы
народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН) по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.
10/2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-научном информационном библиотечном
центре (Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов имени Патриса
Лумумбы» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.

Автореферат разослан «_____» _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета ПДС 1000.009

кандидат исторических наук, доцент

Т. И. Понька

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проведение компаративного анализа «Хизбаллы», ХАМАС и «Исламского государства» (запрещено в РФ) – трех ключевых силовых негосударственных субъектов современного периода – определяется следующими причинами:

1. Несмотря на то, что многие исследователи считают так называемую «арабскую весну» 2010 г. отправной точкой при анализе процессов на Ближнем Востоке первой декады XXI века, сдвиги и перемены в ближневосточном регионе являются результатом процессов, которые длятся десятилетиями и уходят корнями глубоко в историю. «Арабская весна», в ходе которой в ряде стран произошла смена власти с стремлением к демократизации, ослабление государств и усиление фрагментации целого региона, привела к восстановлению авторитарных форм государственного управления, а главное – к укреплению во всех сферах общественной жизни стран региона позиций и влияния ислама в его радикальной интерпретации на территории таких стран, как Египет, Сирия, Ливия и Ирак. В основе всех трех рассматриваемых нами движений лежит ислам и вооруженное сопротивление в любых формах всему, что препятствует утверждению исламских порядков на подконтрольной территории.

«Хизбалла» – шиитская исламская ливанская организация, образованная в 1982 г. в контексте иранской политики экспорта исламской идеологии как движение сопротивления израильской агрессии, в современности является одной из основных политических сил Ливана.

ХАМАС – суннитское исламское палестинское движение сопротивления, организационно оформленное в 1987 г. в целях насильственного вытеснения Израиля из районов исторической Палестины. В 2006 г. это радикальное движение одержало победу на всепалестинских выборах и сумело монополизировать власть в секторе Газа.

«Исламское Государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) (запрещено в РФ), в

дальнейшем переименовавшееся в «Исламское Государство» (ИГ) (запрещено в РФ), – суннитское салафитско-джихадистское образование, возникшее в 2006 г. как ответвление старейшей исламистской террористической организации «Аль-Каида» (запрещено в РФ). В рамках концепции распространения по всему миру наступательного глобального джихада ИГ (запрещено в РФ) отводилась роль передового отряда, который намеревался восстановить некое подобие арабского халифата с атрибутами времен мусульманского ренессанса.

Все перечисленные выше силовые негосударственные субъекты, в том числе «Исламское государство» (запрещено в РФ), понесшее серьезные потери после наступательных действий российских ВКС и международной коалиции во главе с США (Global Coalition to Counter the Islamic State of Iraq and the Levant, ISIL), и сейчас обладают серьезным потенциалом. В этой связи компаративный анализ представляется своевременным и принципиально важным в условиях, когда политические системы государств Ближнего Востока проходят сложные процессы реструктуризации. Чтобы глубже понять эти процессы, экспертам и политикам необходимо учитывать не только геополитические интересы и возможности основных региональных и нерегиональных игроков, но и ключевых негосударственных субъектов, претендующих использовать конфликтогенную обстановку и неблагоприятные социально-экономические, демографические, экологические и даже эпидемиологические факторы для переформатирования как своего статуса, так и общеполитической ситуации в регионе.

Упоминания также заслуживает появление новых квазигосударственных акторов, в частности движение хуситов, про которых раньше знали только специалисты, занимающиеся Ближним Востоком. Будучи негосударственным актором, они контролируют значительные территории в Йемене, и после событий 7 октября 2023 г. активизировались и стали обстреливать суда в Красном море и Аденском заливе, тем самым оказывая значительное влияние на ход мировой торговли. В целом нападение ХАМАС 7 октября 2023 г. на Израиль, эскалация палестино-

израильского конфликта ярко проиллюстрировали возможности негосударственных акторов оказывать воздействие на ход событий не только на Ближнем Востоке, но и в мире, что подчеркивает необходимость проведения исследований, рассматривающих квазигосударственные вооруженные акторы.

2. Для России политическая ситуация на Ближнем Востоке всегда имела принципиальное значение. Изменение геополитической конфигурации в регионе в связи с возвращением России на Ближний Восток и активным российским участием в урегулировании многоуровневого сирийского конфликта обуславливает необходимость в подготовке объективных исследований, в которых анализируется роль в том числе региональных квазигосударственных вооруженных акторов, проявляющих склонность к терроризму и экстремизму. Последствия «арабской весны», проявившиеся в распространении идей радикального ислама в некоторых регионах Российской Федерации и республиках бывшего СССР в Центральной Азии, только способствуют усилению значения исследований в данной области.

3. Российская консолидированная позиция в отношении «Аль-Каиды» (запрещено в РФ) и ее клонов совпадает с точкой зрения большинства государств международного сообщества. Однако, что касается суннитского палестинского и шиитского ливанского движений исламского сопротивления, Россия имеет особое мнение по поводу определения сущности этих организаций. Российская Федерация поддерживает политические контакты с лидерами «Хизбаллы» и ХАМАС и, в отличие от США и их союзников, не считает эти организации террористическими структурами. Исследование данной проблематики, рассмотрение причин появления квазигосударственных вооруженных акторов и их структуры, истории развития и их влияние на международные отношения на основе анализа статистических данных, программных документов и манифестов квазигосударственных вооруженных акторов, а также подходов данных акторов к вопросам государственного строительства позволяет глубже обосновать и сформулировать позицию России в отношении «Хизбаллы», ХАМАС и «Исламского государства».

Степень разработанности темы исследования. Работа опирается на широкую теоретическую, нормативно-правовую и информационную базу.

Теоретической базой исследования послужили труды российских и зарубежных авторов, занимавшихся исследованием проблемы негосударственных (НГА; non-state actors, NSA) или квазигосударственных акторов, А. Уолферса, Дж. Бертона, Дж. Розенау, Г. Моргентау, Х. Мендерхаузена, Дж. Ная, Р. Кеохейна, Ф. Тейлора, Д. Джоселина, У. Уоласа, С. Козна, Г.С. Лигана, М.К. Логана, В.В. Наумкина, И.Д. Звягельской, М.М. Лебедевой, О.Г. Карповича, П.А. Цыганкова, В.А. Кузнецова.

В рамках исследования использованы теоретические и эмпирические работы по проблемам, связанным с исламом, исламизмом и исламским радикализмом, ряда ключевых российских ученых: А.В. Васильева, А.А. Игнатенко, А.А. Малащенко, И.В. Кудряшовой, А.В. Крылова, В.Г. Барановского, В.В. Орлов, И.Д. Звягельской, а также зарубежных ученых: М. Юргенсмейера, Р. Спенсера, М. Гроппи.

Кроме того, в диссертационном исследовании использованы труды ведущих ученых в области исследования самих квазигосударственных субъектов – «Хизбаллы», ХАМАС и «Исламского государства» (запрещено в РФ): Г.Г. Косача, Г.П. Быстрова, О.А. Колобова, А.А. Корнилова, А.А. Ермакова, И.В. Рыжова, А.С. Сорокина, Т. Бакони, И. Кармона, Б. Бьорна, Р. Магнуса, В.М. Ахмедова, Н.А. Беренковой, А.А. Корнилова, В. Кириченко, П.П. Шевелина, Н.С. Шевченко, В.П. Юрченко, А.Э. Яшлавского, Г.И. Мирского, Д.Б. Графова, Н.А. Филина, Е.В. Мизуровой, А.А. Кузнецова, В.Ю. Куршакова, К.Ю. Хандогина, П.П. Шевелина, С. Мейбона, С. Ройла, С. Бунцеля, Н. Фельдмана, Дж. Штерна, Дж. М. Бергера, В. МакКанса, М. Вайса, Х. Хасана, Дж. Моргана, П. Бергена, С. Листера, Дж.Н. Шапиро, В.М. Ахмедова, Л.Е. Гринина, А.В. Коротаева, А. Тауша.

Область исследования соответствует требованиям следующих пунктов паспорта ВАК для специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики, в частности следующим областям исследований исторической науки: п. 3. Международные отношения и внешняя политика на разных этапах

исторического развития; п. 7. Национально-государственные приоритеты во внешней политике и международных отношениях; п. 8. Война и дипломатия как инструменты внешней политики.

Объект исследования – три силовых квазигосударственных ближневосточных актора: «Хизбалла», ХАМАС и «Исламское государство» (запрещено в РФ).

Предмет исследования – причины возникновения, программные установки, структура, идеологические концептуальные основы, источники финансирования, военный потенциал, формы и методы достижения поставленных целей «Хизбаллы», ХАМАС и «Исламского государства» (запрещено в РФ).

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать генезис и эволюцию идеологии, военной и политической практики таких разных квазигосударственных акторов современной ближневосточной политики, как «Хизбалла», ХАМАС и ИГ (запрещено в РФ).

В соответствии с поставленной целью были решены следующие **задачи**:

- сформулировать причины возникновения и укрепления идеологии исламского политического радикализма и определить его перспективы;
- проанализировать исторические, политические, социально-экономические и идейно-религиозные предпосылки радикализации исламистских идеологий со второй половины XX века, ставшие отправной точкой для зарождения «Хизбаллы», ХАМАС и «Исламского государства» (запрещено в РФ);
- рассмотреть эволюцию каждого из указанных исламистских вооруженных формирований, а также структуру руководства, источники финансирования, военный потенциал, программные документы, методы, которые используются ими для достижения политических целей;
- провести сравнительный анализ идеологии и политической практики всех трех движений и выявить существующие между ними общие черты и отличия;
- детально проанализировать подходы руководства «Хизбаллы», ХАМАС и

«Исламского государства» (запрещено в РФ) к проблемам государственного строительства;

- на основе доступных источников и материалов привести наиболее точные данные о численности и национальном составе обозначенных радикальных движений и проанализировать их социальную и этноконфессиональную базу;

- проанализировать и систематизировать разносторонний статистический материал, иллюстрирующий реальные позиции «Хизбаллы» в Ливане и за его пределами, ХАМАС в Газе, а также ИГ (запрещено в РФ) на контролируемых им территориях в Сирии (2013-2017) и Ираке (2013-2017) вплоть до разгрома его военизированных формирований;

- раскрыть подходы ведущих государств (РФ, США, Великобритания, КНР, Франция и другие) и международных организаций (Организация Объединенных Наций (ООН) и ее связанные с ней агентства/контингенты UNWRA, ОСНА, UNDOF, UNIFIL) к ХАМАС и палестино-израильскому урегулированию в целом, «Хизбалле» и «Исламскому государству» (запрещено в РФ);

- опираясь на фактический и документальный материал, показать степень вовлеченности рассматриваемых движений в вооруженный конфликт на территории Сирийской Арабской Республики, Республики Ирак и в палестино-израильский конфликт в секторе Газа;

- определить степень воздействия радикальных исламистских группировок Ближнего Востока на умонастроения мусульман России, а также предложить наиболее действенные методы противостояния угрозе распространения исламского радикализма и терроризма на территории Российской Федерации.

Хронологические рамки работы ограничиваются периодом с начала 1980-х гг. до 2024 г. включительно.

Нижняя граница исследования (1980-е гг.) обусловлена рядом факторов, таких как ослабление идей арабского национализма и арабского единства после подписания

мирного договора между Израилем и Египтом в 1979 г. и происходивший параллельно с этим процесс ослабления светских идеологий в ближневосточном регионе.

Верхняя граница исследования (2024 г. включительно) выбрана, ввиду активизации деятельности квазигосударственных вооруженных акторов (ХАМАС, «Хизбалла», хуситы) в регионе Ближнего Востока и усиления их влияние в регионе.

В ряде случаев автор считает целесообразным осуществить исторический экскурс в события, которые имели место на территории ближневосточного региона во времена, выходящие за пределы обозначенных выше хронологических рамок.

Информационно-статистической базой для исследования послужили российские внешнеполитические концепции, документы и материалы МИД России; резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН, другие документы ООН, непосредственно касающиеся деятельности рассматриваемых квазигосударственных акторов; программные и уставные документы рассматриваемых в диссертации квазигосударственных акторов, труды теоретиков экстремистских положений салафизма, джихадизма и такфиризма.

Методологическая база исследования. При написании диссертации использовался комплекс научных методов и подходов, позволившие полноценно проанализировать предмет исследования на основе критического анализа источников и принцип историзма.

Использование автором принципа историзма, обеспечивающего видение истории как конкретного процесса, изменяющегося по сущности и во времени, позволило рассмотреть генезис, путь развития и эволюции идеологии, военной и политической практики, которые прошли рассматриваемые в исследовании квазигосударственные вооруженные акторы (ХАМАС, «Хизбалла» и ИГ (запрещено в РФ)). Использование данного метода позволило оценивать и рассматривать события и факты в увязке с конкретными историческими условиями рассматриваемых в исследовании хронологических рамок.

Автором также использовались такие методологические принципы проведения

исследования как объективность и всесторонность. Это позволило рассмотреть тему диссертационного исследования на основе наиболее достоверной информации из имеющихся источников и материалов.

Другим методом решения поставленных в диссертации задач стал метод контент-анализа, который позволил детально изучить программные документы и манифесты, а также материалы, которые послужили основой для развития идеологии вышеупомянутых квазигосударственных вооруженных акторов. Использование этого метода позволило проанализировать подходы руководства негосударственных акторов к проблемам государственного строительства.

Использование историко-сравнительного метода позволило провести компаративный анализ идеологий и практики трех рассматриваемых в исследовании негосударственных акторов

Автором также были использованы методы формальной логики: анализ и синтез, индукция и дедукция. Все материалы и документы, которые были использованы при написании диссертационного исследования, были рассмотрены по принципу от частного к общему и от общего к частному.

Использование исторических методов и подходов при проведении исследования позволило автору проанализировать истоки радикальных идеологий, причины их радикализации и выстроить причинно-следственные связи.

Многие оценки и выводы относительно палестино-израильского конфликта и ситуации на ливано-израильском и сирийско-израильском треках стали результатом многолетней работы автора на дипломатическом поприще именно в районах конфликтов, в которых принимают непосредственное участие «Хизбалла», ХАМАС и «Исламское государство» (запрещено в РФ).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в российской исторической науке была проведена попытка системного, исторического и компаративного анализа основных силовых квазигосударственных акторов ближневосточного региона.

Положения, выносимые на защиту, содержащие элементы научной новизны:

1. Проведенный в диссертации сравнительный анализ основных стратегических и идеологических концепций «Хизбаллы», ХАМАС и ИГ (запрещено в РФ) показывает, что до сих пор наиболее частое определение «Хизбаллы», в том числе в отечественной научной литературе, таково: это группировка ливанских шиитов, которая не разоружилась после ливанской гражданской войны 1975–1990 годов и зачастую прибегала к использованию насилия и терактов для достижения своих политических задач. «Партия Аллаха» действительно несет ответственность за ряд кровавых терактов. Однако с начала 1990-х годов в результате процесса последовательной трансформации движения в наши дни оно перешло на качественно иной уровень, став высокоэффективной и влиятельной военно-политической структурой, прочно интегрированной в политическую, социально-экономическую и культурную жизнь Ливана, а также ведущей ливанской силой, способной обеспечивать внутреннюю и внешнюю безопасность страны в наиболее конфликтном районе Ближнего Востока.

2. Общим для ХАМАС и «Хизбаллы» является сопротивление Израилю как «незаконно созданному сионистскому образованию». Однако у этих организаций намного больше различий, чем общих черт. Именно по этой причине израильское политическое руководство разрабатывает разные военно-стратегические концепции в отношении враждебных лагерей на юге и на севере «еврейского государства». Нежелание «Хизбаллы» активно вмешиваться в ход палестино-израильского конфликта, после его обострения из-за нападения ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г., показывает, что для «Партии Аллаха» сохранение своего «стратегического терпения» является более насущной задачей, чем сопротивление Израилю, в контексте интересов Ливана, переживающего острый политический и экономический кризис. И по этой же причине «Хизбалла» и ХАМАС никогда не координировали свои действия и предпочитают дистанцироваться друг от друга.

3. Анализ эволюции ХАМАС, в частности принятие новых программных документов в 2017 г., позволяет констатировать, что палестинское движение, несмотря на свою идеологию и принципы, готово принимать прагматические решения и идти на компромиссы. С другой стороны, маловероятно, что Израиль, который ранее имел возможности для ликвидации ХАМАС в секторе Газа, пойдет на этот шаг, поскольку при этом развитии событий израильское военно-политическое руководство будет вынуждено принять тяжелое решение: либо признать главенство ФАТХ и ООП в секторе Газа и возобновить мирный переговорный процесс с окончательной целью создания палестинского государства, что крайне неприемлемо для нынешнего израильского правительства, либо принять шаги по военному контролю над территорией сектора Газа, что может остановить процесс нормализации отношений Израиля со странами арабского мира.

4. Ни ХАМАС, ни тем более «Хизбалла» не представляют угрозы для безопасности России и ее граждан. Более того, контакты России с этими организациями могли бы сыграть положительную роль для корректировки в сторону смягчения их позиции в отношении Израиля и позитивного продвижения мирного процесса ближневосточного урегулирования.

5. Анализ структуры и внутреннего устройства так называемого «Исламского государства» (запрещено в РФ) убедительно доказывает, что существовать и воспроизводиться это экстерриториальное образование могло только за счет непрерывных войн, грабежа и обирания населения через обременительные налоги на захваченных территориях. Суннитские племена и антиправительственные повстанцы в городах, первоначально вставшие на сторону ИГ (запрещено в РФ) из-за привлекательной идеологии и грамотно выстроенной информационно-пропагандистской работы, быстро разочаровались в бесчеловечной системе подавления инакомыслия и в основной своей массе отказались поддерживать «халифат» в том виде, в каком его пытались навязать джихадисты.

6. В настоящее время «Исламское государство» (запрещено в РФ), понеся

поражение и потеряв свои подконтрольные территории в Сирии и Ираке, прошло процесс дезинтеграции, при этом конспиративные ячейки действуют в десятках стран на всех континентах. И хотя активность группировки сегодня малозаметна, сторонники ее реинкарнации до сих пор представляют серьезную угрозу, располагая многочисленной базой своих сторонников, легко поддающихся влиянию информационно-пропагандистской работы.

7. В октябре 2015 г. «Исламское государство» (запрещено в РФ) распространило по своим информационным каналам сообщение о том, что «халифат» официально объявляет джихад России. Наибольшую опасность для России представляют возвращающиеся из Сирии боевики, воевавшие на стороне ИГ (запрещено в РФ), а также завербованные лица, пересекающие границу РФ под видом «трудовых мигрантов». В связи с реально существующей опасностью распространения исламского радикализма на территории России необходимо создать систему выявления и отслеживания каналов перемещения «возвращенцев», участвовавших в военных операциях боевиков в Сирии и Ираке, и разработать комплекс эффективных профилактических мер по предотвращению противоправной деятельности сторонников так называемого «Исламского государства» (запрещено в РФ).

Обоснованность и достоверность научных результатов, положений и выводов, содержащихся в диссертационной работе, обеспечивается широкой теоретической, нормативно-правовой и информационной базой и определяется полученным теоретическим научным знанием, которое обобщает, развивает и дополняет существующие научные представления о конструктивистском подходе к изучению обозначенных силовых квазигосударственных акторов, который, как известно, предполагает, что человек и заложенное в его голове сознание определяют его действия, в том числе действия политического характера, способные в корне изменить внутривнутриполитическую и внешнеполитическую конфигурацию, поэтому именно данный подход позволяет детально рассмотреть и оценить роль

квазигосударственных силовых акторов в ближневосточном регионе.

Теоретическая значимость результатов диссертационной работы определяется компаративным анализом влияния целого комплекса факторов (государственное строительство, слабость государственных институтов, традиционность ближневосточных обществ и влияние религии) на генезис и эволюцию силовых квазигосударственных субъектов. Проанализированный материал позволяет с большей достоверностью прогнозировать возможные варианты развития событий в наиболее конфликтных точках региона, а также детально рассмотреть новый тип акторов в международных отношениях (квазигосударственные вооруженные акторы), активно проявивших себя в последние десятилетия, понять причину увеличения их количества и роста их влияния на расклад сил в системе международных отношений на Ближнем Востоке.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что его результаты позволяют обеспечить более глубокое понимание того, каким образом и в какой степени квазигосударственные силовые акторы вовлечены в систему международных отношений, какой стратегии они придерживаются и какую роль играют в истории международных отношений, принимая во внимание их участие в затянувшихся конфликтах: палестино-израильский конфликт, гражданские войны в Сирии, Ираке и Ливане. Настоящая работа также позволяет реконструировать оптимальные сценарии развития ситуации в регионе в контексте проблематики урегулирования ближневосточных конфликтов и разработки внешнеполитическими структурами ближневосточной стратегии Российской Федерации. Многие уже опубликованные материалы исследования используются сотрудниками российских государственных ведомств, прежде всего МИД России, при подготовке аналитических материалов, рекомендаций и документов к различным внешнеполитическим мероприятиям. Теоретические положения исследования и содержащийся в нем фактологический и документальный материал используются для подготовки учебных курсов, лекций, программ и пособий для студентов МГИМО

МИД России, изучающих новейшую историю Ближнего Востока и историю внешней политики и международных отношений.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были апробированы в монографических научных работах, а также опубликованы в качестве научных статей в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в отечественных и международных библиометрических системах, рекомендуемых ВАК при Минобрнауки России и входящих в Перечень научных изданий РUDN.

Наиболее значимые результаты работы были представлены автором на российских и международных конференциях, симпозиумах, открытых выступлениях в том числе: XV Международный экономический форум «Россия – Исламский мир: KazanForum» (Казань, 2024), Третий международный форум «Россия – Ближний Восток: в поисках нового мира» (Санкт-Петербург, 2023), Международный круглый стол «75 лет Государству Израиль: проблемы и достижения» (Москва, 2023), Международная конференция «Обострение палестино-израильского конфликта на фоне глобальной нестабильности» (Москва, 2023), Международная конференция «Эволюция российско-сирийских отношений в условиях меняющегося миропорядка: проблемы и перспективы» (Сирийская Арабская Республика, 2022), II Международная научная израилеведческая конференция «Чтения им. А.Е. Бовина» «Израиль в борьбе: грани противоречий в политике, экономике, обществе» (Москва, 2022), XIV Конвент РАМИ «Мир. За пределами привычного» (Москва, 2022), Международная конференция «Европа и будущее либерального мирового порядка» (Будапешт, 2021), I Международная научная израилеведческая конференция Института востоковедения РАН «Чтения им. А.Е. Бовина» (Москва, 2021).

Отдельные практические результаты диссертационного исследования были внедрены в практику деятельности ФГАОУ «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» при подготовке бакалавров по направлению подготовки

41.03.01 «Зарубежное регионоведение» по дисциплине «Переговорные комплексы XXI века: теория и практика», по направлению подготовки 41.03.05 «Международные отношения» по дисциплине «Переговорные комплексы XXI века: теория и практика», по направлению подготовки 41.03.05 «Government and International Relations» по дисциплине «Practical Aspects of Negotiation and Consulting» (на английском языке). Также результаты исследования используются в ряде дисциплин при подготовке магистров по направлению подготовки 41.04.05 «Международные отношения»: «Contemporary Network diplomacy: theory and practice» (на английском языке) и «Сетевая дипломатия. Внешняя политика и дипломатия России (российское отделение)».

Публикации по теме исследования. По теме исследования опубликовано 52 научные работы общим объемом более 150 п.л., в том числе 26 в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России и перечнем РУДН имени Патриса Лумумбы (общим объемом 17,9 п.л.), 12 в изданиях индексируемых в международных базах данных Scopus и Web of Science (общим объемом 7,2 п.л.) и 14 монографий и глав в монографиях (общим объемом 125,4 п.л.). Общий объем публикаций более 150 п.л., авторский вклад 82,4%.

Структура диссертационной работы определена логикой исследования, его целью и задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения. Основной текст изложен на 472 страницах и в 2 приложениях. Список литературы включает 327 наименований. Цифровой и графический материал представлен в 10 рисунках и 5 таблицах.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

ГЛАВА 1. «ХИЗБАЛЛА», ХАМАС И ИГ (запрещено в РФ) КАК КВАЗИГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ АКТОРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ

В ходе рассмотрения ключевых аспектов формирования и развития политических режимов на Ближнем Востоке и в Северной Африке после крушения колониальной системы очевидно, что политический национализм, возникший как ответ на колониальные притеснения, стал той основой, на которой были выстроены новые государственные структуры. Однако эти структуры лишились демократических ценностей и перешли к авторитарным формам управления, что привело к возникновению глубоких социальных и политических противоречий.

Местный национализм имел противоречивую природу, которая, будучи изначально направленной против Запада, исключала возможность восприятия гражданского общества и демократии. Новые элиты, пришедшие к власти, документально отрицали необходимость демократических реформ и соблюдения прав граждан, заменяя их клановыми и этническими интересами. Это привело к усилению авторитарных режимов и созданию систем, защищающих власть.

Дальнейшая эскалация напряженности в регионе, особенно проявившаяся во время «Арабской весны», подчеркнула кризис легитимности старых режимов и активизировало негосударственные акторы, такие как «Хизбалла», ХАМАС и «Исламское государство» (запрещено в РФ). Они становятся важными игроками на политической арене с ограниченным доступом к официальной власти, заставляя международное сообщество переосмыслить свои подходы к разрешению конфликтов. КГВА (квазигосударственные вооруженные акторы) могут заполнять вакуум власти в условиях слабости государства, что приводит к повышению роли этих акторов в международных отношениях.

Несомненна важность анализа роли политических режимов и негосударственных акторов в формировании политической реальности современного Ближнего Востока, для чего необходимо исследование динамики их взаимосвязи и влияния на дальнейшее развитие государственности в странах региона, а также восприятие КГВА другими участниками международных отношений.

ГЛАВА 2. ДВИЖЕНИЕ «ХИЗБАЛЛА»

«Хизбалла» возникла как военная организация, отражавшая интересы шиитской ливанской общины, в самый разгар гражданской войны в ответ на вторжение израильских войск в июне 1982 г. на территорию южного Ливана. У истоков создания организации стоял постреволюционный Иран, и «Хизбалла» была наиболее удачным проектом в иранской программе экспорта исламской революции. В начале 1980-х гг. «Партия Аллаха» была небольшой организацией, которая не имела значимого политического веса в Ливане и была полностью сосредоточена на кампании вооруженного сопротивления, направленной на вытеснение израильских сил за пределы ливано-израильской границы. Поддержка ливанскими шиитами радикального исламского движения с ярко выраженной антиизраильской и антиамериканской окраской стала протестом против умеренной позиции, занятой светскими шиитскими лидерами АМАЛЬ во время оккупации Израилем территории южного Ливана. Значительная часть палестинских беженцев и отрядов Палестинского движения сопротивления, оказавшись в окружении превосходящих сил противника и перед угрозой полного уничтожения, также встали на сторону «Исламского движения сопротивления».

Первые военные и духовные лидеры ливанского «Исламского движения сопротивления» считали, что в войне против Израиля и их союзников допустимо использовать любые средства, в том числе теракты с участием смертников. Как и любая другая радикальная исламская организация, «Хизбалла» изначально отрицает

законность существования государства Израиль, который она определяет как «сионистское образование» и настаивает на том, что это «образование» должно исчезнуть с карты Палестины. Такая позиция, занятая первыми лидерами «Хизбаллы», позволяет США, Евросоюзу и некоторым другим странам относиться к этой организации как к террористической структуре. Вместе с тем в самом Ливане, во многих других странах, включая Россию, «Хизбалла» рассматривается как национальная ливанская партия, которой в годы затяжной гражданской войны удалось сплотить различные политические и религиозные фракции страны в единое движение сопротивления израильскому и любому внешнему присутствию. Регулярная ливанская армия объективно не была способна эффективно противостоять вооруженным силам Израйля. Фактически вооруженное сопротивление и во время израильского вторжения в 1982 г., и во Второй Ливанской войне 2006 г. израильтянам оказывали только боевики «Хизбаллы». В Ливане и в некоторых других арабских странах многие полагают, что именно «Хизбалла» вынудила Израиль и марионеточную «Армию южного Ливана» покинуть южную часть территории страны, которая, кстати, с того времени и до сегодняшнего дня полностью контролируется шиитской армией, отказавшейся разоружиться после окончания гражданской войны и продолжавшей оставаться самой мощной военной силой современного Ливана.

Как показали события последних лет, хорошо обученные и экипированные современным вооружением и техникой бригады «Хизбаллы» сыграли значительную роль в сохранении режима Б. Асада и развертывании массовой и разветвленной сети фортификационных сооружений на ливано-израильской и на сиро-ливанской границах. Часто северный фронт вызывает намного больше опасений у израильского политического и военного руководства, нежели фронт южный.

После вывода израильских войск из Ливана руководство «Хизбаллы» полностью изменило стратегию организации: оно делало все возможное, чтобы военное прошлое «Хизбаллы» ассоциировалось только с действиями, направленными на национальное

освобождение Ливана от внешней агрессии. Теперь она в большей степени соответствовала статусу не столько военного, сколько политического движения. Новая структура, основанная на соответствующих религиозно-идеологических принципах, которые были сформулированы в проанализированных выше программных документах, нацелена на усиление политической составляющей в государстве и обществе.

Современная «Хизбалла» значительно отличается от той организации, которая существовала в годы гражданского противостояния и войн с Израилем. «Хизбалла» диверсифицировала свои потоки доходов, чтобы не оказаться в полной финансовой зависимости от Тегерана. В последнее время, как это было детально рассмотрено выше, наблюдается устойчивый рост доходов «Хизбаллы» за счет развития рентабельности собственных каналов поступления финансовых ресурсов. Наибольшие доходы сейчас дают перечисления средств в фонд «Хизбаллы», которые осуществляют ливанские шииты, живущие за рубежом.

Существенных успехов «Хизбалла» добилась на политической сцене Ливана. В разделе, озаглавленном «"Хизбалла" в политической системе Ливана», показан процесс эволюции движения ливанских шиитов от чисто военной организации к мощной общеливанской военно-политической структуре. Даже в условиях консервативной и застарелой ливанской конфессиональной политической системы, не оставляющей пространства для маневра, «Партия Аллаха» возглавила Альянс 8 марта, который на выборах 2009 г. одержал победу, и в сформированном правительстве национального единства «Хизбалла» получила два министерских портфеля. Президент Ливана М. Аун и действующее правительство национального единства получили легитимность исключительно благодаря поддержке «Хизбаллы».

После окончания гражданской войны в Ливане руководство «Хизбаллы» приняло решение интегрироваться не только в национальную политическую систему. «Партия Аллаха» быстро стала «ливанизироваться», абстрагироваться от любого иного радикального исламского движения на Ближнем Востоке, распространять

филантропическую и социальную поддержку не только на шиитов, но и на другие конфессии, которые нуждались в помощи и охотно пользовались такой благотворительностью. «Фонд Джихад аль-Бинаа» (компания «Фонд Развития Реконструкции»), основанный «Хизбаллой» в 1993 г., стал зонтичной структурой для разветвленной сети благотворительных организаций.

Социальная составляющая «Хизбаллы» в значительной степени является результатом экономического и исторического прошлого Ливана. Веками существовавшая социальная незащищенность создавала консолидированные формы клиентелизма. В результате социальная деятельность «Хизбаллы» характеризуется консолидированными формами патронажа: на их основе создаются конкретные рабочие места, появляется заинтересованность бенефициаров и их стремление в дальнейшем поддерживать именно эту партию, и у ее сторонников укрепляется вера в то, что они выполняют важную духовную, этическую, политическую и социальную миссию.

В условиях, когда Ливан был в нескольких шагах от новой этнической и религиозной войны, только «Хизбалла» могла реально воспрепятствовать втягиванию страны в сирийское кровопролитие, противостоять силам, угрожающим территориальной целостности и независимости Сирии и Ливана, обеспечить безопасность и выживание несуннитских общин обеих стран. Боевики «Хизбаллы» провели ряд успешных наступательных операций с использованием тяжелого вооружения и огромного количества ракет малой, средней и большой дальности, в том числе против ИГ (запрещено в РФ), «ан-Нусры» (запрещено в РФ) и других джихадистских группировок в аль-Кусейре (апрель – июнь 2013 г.), Каламуне (ноябрь – декабрь 2013 г.), Забадани (июль 2015 г.), Алеппо (июнь – сентябрь 2016 г.). Противостояние «Хизбаллы» «террористическому интернационалу» в Сирии обусловило тот факт, что ненавистникам все сложнее обвинять в терроризме «Партию Аллаха». Сейчас нельзя не признать того факта, что «Хизбалла» внесла существенный вклад в законную борьбу против реальных террористов и религиозных

фанатиков – головорезов на сирийской территории, не допустив тем самым их инфильтрации в Ливан.

В заключительном разделе, который посвящен отношениям между «Хизбаллой» и ХАМАС, отмечается, что близкие по целям и духу обе организации очень осторожно идут на сближение. Основным водоразделом между ними является принадлежность к разным течениям в исламе.

Поводом для сближения «Хизбаллы» и ХАМАС была позиция Ирана, стремившегося создать вокруг Израиля непрерывную шиитскую ось сопротивления (Тегеран – Дамаск – Бейрут) с включением в нее радикальных исламистов на оккупированных палестинских территориях. Со своей стороны, руководство ХАМАС, несомненно, хотело перенять опыт партии шейха Х. Насраллы по интеграции в гражданское общество с целью получения столь необходимой легитимности в районе палестино-израильского противостояния и на международной арене.

«Арабская весна», захлестнувшая вслед за Тунисом, Ливией и Египтом Сирию и спровоцировавшая здесь самую затяжную и непрекращающуюся до сих пор гражданскую войну, поставила всех палестинцев, включая хамасовцев, в сложное положение. С одной стороны, правящий режим клана Асад приютил находящееся в изгнании политбюро организации после ликвидации в 1999 г. штаб-квартиры ХАМАС из Амана, а с другой – суннитская оппозиция (как светская, так и вооруженная), выступившая против законного правительства САР с целью его низвержения, становилась естественным союзником палестинского «Исламского движения сопротивления» по религиозно-идеологическим соображениям.

В итоге руководство ХАМАС отвергло требование Ирана поддержать Б. Асада и приняло решение перенести свое политбюро в Доху (Катар) – столицу антиправительственной сирийской оппозиции. Несомненно, это была фатальная ошибка, которая привела к расколу хамасовцев, оставшихся в Сирии, на сторонников и противников правящего режима и к разочарованию в целом палестинцев,

проживающих в сирийских лагерях беженцев, сначала бездействием и растерянностью лидеров ХАМАС, а затем их бегством в спокойное зарубежье.

По мере того, как правительственные войска в Сирии при поддержке российских ВКС перешли к наступательным действиям, нанесли сокрушительные удары по местам дислокации вооруженной оппозиции и освободили значительную часть сирийской территории, ХАМАС произвел ряд внутриорганизационных перестановок на верхнем уровне и вновь взял курс на сближение с «Осью шиитского Сопротивления». Однако ХАМАС вряд ли сможет в будущем восстановить свою социальную базу в лагерях беженцев. Судя по той настороженности, которая сохраняется в отношениях между ХАМАС и «Хизбаллой», в случае начала гипотетической войны с Израилем, Газа, ослабленная многолетней блокадой, вряд ли сможет стать прочным звеном в стратегических расчетах Ирана по созданию оси сопротивления силам, которые представляют угрозу региональным интересам шиитского сообщества.

Отметим также, что ликвидация Израилем руководящей верхушки «Хизбаллы» в сентябре 2024 г. в ходе недавнего витка эскалации напряженности на ливано-израильской границе и последующие ответные действия военного крыла «Партии Аллаха» дают основания констатировать, что уничтожение руководства не привело к организационному крушению «Хизбаллы». «Партия Аллаха» прочно встроена в политическую систему и общество Ливана, а также, как можно предположить, всегда будет иметь свое руководство, о чем свидетельствует скорое назначение Н. Касема четвертым генсеком партии после гибели Х. Насраллы. В то же время операция Израиля против «Хизбаллы» с использованием пейджеров и других электронных устройств продемонстрировала эффективность действий израильских спецслужб. Однако, как видится, ни успешные операции против «Хизбаллы», ни ликвидация руководства партии не смогли привести к слому идеологии «Партии Аллаха».

Проведенный анализ подтверждает вынесенное на защиту положение о том, что движение исламского сопротивления «Хизбалла» преодолевает стадию перехода из

разряда силового квазигосударственного актора, все больше входя в положение полноценного государственного актора, имеющего достаточный военный, политический и социально-экономический потенциал, а также способность сдерживать серьезные внешние и внутренние вызовы

ГЛАВА 3. ДВИЖЕНИЕ ИСЛАМСКОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ (ХАМАС)

Наблюдающийся в последнее время рост влияния воинствующих джихадистских организаций на Ближнем Востоке зачастую даже в публикациях, претендующих на научные или аналитические исследования, объясняется по упрощенной схеме. Довольно распространенное явление, когда такие палестинские организации и движения, как «Исламский джихад», «Джахафил ат-Таухид уаль-Джихад фи-Филастин» («Армии Единобожия и Джихада в Палестине»), «Ансар Бейт аль-Макдис» («Служители Священного Храма»), перечисляются вместе с ХАМАС через запятую и объявляются группировками, на которые навешиваются чаще всего такие ярлыки: «террористические», «антисемитские», «экстремистские» и т.п.

Между тем объяснить феномен популярности ХАМАС в палестинском обществе, основываясь только на перечисленных выше ярлыках, вряд ли получится. Проведенное исследование было построено так, чтобы показать, что для понимания того, почему на демократических выборах значительная часть, если не сказать большинство, палестинских феллахов и рабочих, учителей и врачей, бухгалтеров и лавочников, банковских служащих и профессоров университетов отдадут свои голоса за ХАМАС, необходимо проанализировать множество факторов и нюансов. Еще на ранних этапах своей эволюции лидеры ХАМАС сумели извлечь из учения отцов-основателей египетской салафистской организации «Братья-мусульмане» (запрещено в РФ) одно из важнейших положений. Его суть проста: путь к народному признанию кроется в повседневной и рутинной работе во всех сферах гражданского общества, которое в целом, как совокупность отдельных личностей, заинтересовано в

постоянном повышении социального статуса и качества жизни.

До того момента, когда активисты ХАМАС спланировали первую террористическую атаку, их лидер шейх Ахмед Ясин и его окружение сделали акцент на работе по созданию широкой сети благотворительных социальных учреждений, которые оказывали жизненно важную поддержку палестинскому населению Газы и Западного берега. Именно движение ХАМАС, а не ООП – ФАТХ, сделавшая ставку сначала на военное противостояние с «сионистским врагом», а затем – на мирный процесс политического урегулирования палестино-израильского конфликта, не израильская военная администрация на палестинских оккупированных территориях, взяло на себя всю полноту заботы о предоставлении широкого спектра социальных услуг гражданскому обществу.

Как показала действительность, ни палестинская администрация, традиционно ассоциировавшаяся с ФАТХ, ни тем более оккупационные власти или гуманитарные структуры ООН не способны были предоставлять палестинскому гражданскому населению элементарные услуги в таких сферах, как образование, здравоохранение, трудоустройство, социальное страхование. Сотни тысяч палестинцев ощущали чувство полной несправедливости и вынуждены были искать альтернативные источники социальной защиты и поддержки. Вакуум, образовавшийся в сфере обеспечения минимально приемлемого уровня жизни, был использован ХАМАС для того, чтобы предоставить всем нуждающимся людям столь недостающие социальные услуги. Именно работа по обеспечению благосостояния палестинского населения и благотворительность обеспечили значительное увеличение численности движения и массовую политическую поддержку со стороны многих палестинцев. Даже лидеры ФАТХ вынуждены были признать в знаменательном для истории Палестины 2006 году, что ХАМАС выиграл борьбу за голоса поддержки палестинцев, причем не только среди маргинальных групп населения, но и среди молодежи и представителей среднего класса. Религиозная природа ХАМАС лишь подчеркивала его единство и органическую связь с палестинцами в Палестине. Придя к власти в Газе, ХАМАС

проявлял повышенное внимание к социальной работе, исходя из того, что именно эта работа – путь к сохранению достигнутой популярности в палестинском обществе. Неслучайно в последнем программном документе, который был проанализирован выше, первостепенное внимание уделяется не столько таким темам, как ислам или борьба с оккупацией, сколько вопросам построения толерантного демократического общества, которое «пополняется своими выдающимися личностями, видными деятелями, высокопоставленными лицами, институтами гражданского общества, молодежью, студентами, профсоюзными и женскими организациями, которые вместе работают во благо достижения национальных целей и построения общества, идя путем сопротивления к национальному освобождению».

Усиление ХАМАС также внесло раскол в палестинское общество и дало повод израильскому политическому руководству отказаться от продолжения переговорного процесса по мирному урегулированию палестино-израильского конфликта. Последний программный документ ХАМАС демонстрировал, что новое политическое руководство организации понимало, что в сложившейся тупиковой ситуации от него потребуются более гибкие подходы в решении важнейших внешнеполитических вопросов. Как считали многие исследователи, при всей сложности обстановки на палестино-израильском треке обе стороны при определенных условиях все же были готовы начать мирный диалог. Аналогичная тенденция наблюдалась накануне исторического взаимного признания ООП и Израиля в 1993 г. Россия, имеющая давние стабильные отношения с лидерами ХАМАС, могла бы оказать посредническое содействие в обеспечении позитивной эволюции подходов Движения исламского сопротивления к диалогу с Израилем и ООП – ФАТХ. Развитие процесса мирного урегулирования палестино-израильского противостояния невозможно без учета фактора существования ХАМАС как вполне состоявшегося квазигосударственного вооруженного актора.

После нападения ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. ситуация кардинально поменялась, отбросив перспективы палестино-израильского урегулирования еще на

долгие годы.

ГЛАВА 4. «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» (запрещено в РФ)

Очередной проект «Аль-Каиды» (запрещено в РФ) по возрождению в XXI в. средневекового арабского халифата не состоялся не только потому, что встретил отпор со стороны почти всего мирового сообщества, но и в силу того, что он не был поддержан миллионами мусульман, а именно на это рассчитывали сторонники «Исламского государства» (запрещено в РФ) и их покровители из «Аль-Каиды» (запрещено в РФ). Большинство стран мусульманского мира и их население давно вписались и интегрировались в глобальную систему международной политики, экономики и культуры. Опросы, проведенные авторитетным Pew Research Center в ряде мусульманских государств, показали, что рейтинг идеологии изначально был крайне низким, а призывы объединяться под знаменем джихада и вовсе не вызывали ничего, кроме чувства отвращения. Так, 99% ливанцев и 94% иорданцев, 86% палестинцев на оккупированных Израилем территориях крайне негативно относятся к группировке. Даже на родине ваххабизма в Саудовской Аравии симпатии к «Исламскому государству» (запрещено в РФ) выражают всего 5% населения королевства, а в Египте – родине салафизма – только 3%. Достаточно сказать, что в этих же странах ХАМАС поддерживают 52% и 33% соответственно, а в секторе Газа – подавляющее большинство. За «Хизбаллу» в Ливане голосуют 92% шиитов, 39% христиан и 8% суннитов. В отличие от ХАМАС и «Хизбаллы», ИГ (запрещено в РФ) не уделяло особого внимания социальной сфере; как было доказано выше, большая часть доходов тратилась на военные нужды и карательный аппарат. Объективно обещания счастливой жизни в раю после смерти за идеалы такфиризма не привлекали людей идти в «Исламское государство» (запрещено в РФ), скорее отталкивали от него.

Абу Бакр аль-Багдади рассчитывал на то, что его поддержат исламские

богословы, которые зачастую на протяжении истории стояли во главе народных восстаний против засидевшихся у кормушки власти правителей, но ведущие суннитские авторитеты и специалисты по мусульманскому праву объединились и дали решительный отпор новоявленному «халифу».

В Открытом письме (сентябрь 2014 г.) было дано детальное и аргументированное опровержение идеологии и действий «Исламского государства» (запрещено в РФ). Вслед за уничтожающей критикой на 17 страницах Аль-Багдади был вынесен следующий вердикт: «Вы неверно истолковали ислам как религию грубости, жестокости, пыток и убийств. Это большая ошибка и оскорбление ислама, мусульман и всего мира». Далее следовал развернутый вывод:

- «ислам запрещает выпускать фетвы лицам, не имеющим надлежащего образования;
- нужно знать в совокупности весь Коран и свод Хадисов для вынесения правильных решений;
- в исламе запрещено принимать правовые постановления тем, кто не владеет в совершенстве классическим арабским языком;
- в исламе запрещен упрощенный подход к вопросам шариата и недопустимо игнорировать устоявшиеся достижения исламских наук;
- в исламе допустимо иметь разные суждения по любому вопросу, кроме основ религии, которые должны знать все мусульмане;
- в исламе запрещено игнорировать сложившуюся в современности действительность при выработке правовых решений;
- ислам запрещает убийство невинных, послов, посланников и дипломатов, как запрещено убивать журналистов и их помощников;
- джихад в исламе — это оборонительная война. Применение джихада недопустимо без правомерной причины, правильных целей и правил поведения;

- в исламе запрещено объявлять людей немусульманами, если только он (или она) открыто сами не идентифицируют себя с мусульманами;
- в исламе запрещено причинять ущерб или плохо обращаться с христианами, как и с любыми другими “Людьми Писания”;
- езиды считаются “Людьми Писания”;
- возрождение института рабства запрещено в исламе. Этот институт был отменен всеобщим консенсусом;
- в исламе запрещено принуждать людей к обращению в ислам;
- ислам запрещает ущемлять права женщин и детей;
- ислам запрещает применение законных наказаний без соблюдения соответствующих правовых процедур, обеспечивающих справедливость и милосердие;
- харам (грех) издеваться над телами мертвых и пытаться людей;
- в исламе запрещено приписывать злые действия Аллаху;
- ислам исключает любой повод, толкающий людей на вооруженное восстание, исключая тот случай, когда правитель полностью утратил доверие и запрещает людям молиться;
- в исламе запрещено провозглашать Халифат без согласия всех мусульман;
- согласно исламу, люди вольны выражать верность своей стране;
- после смерти Пророка ислам никого не понуждает к переселению».

После этого обращения фактически все страны мира, включая исламские страны, отказались от любых контактов с лидерами «халифата» (запрещено в РФ), а социальная база ИГ (запрещено в РФ) сузилась до маргиналов, готовых идти служить кому угодно, и «солдат удачи» из различных уголков земли, увидевших в проекте «Новый Халифат» возможность неплохо пожить.

Еще одна ошибка ИГ (запрещено в РФ) заключалась в том, что даже суннитское и иракское население не могло мириться с системой подавления свобод и

жестокостью наказаний за нарушение установленных правил на оккупированных террористами территориях. Зажиточные суннитские кланы и в Сирии, и в Ираке крайне настороженно отнеслись к появлению «Исламского государства» (запрещено в РФ) и предпочли воздержаться от его поддержки. Настроенная против правящих режимов Сирии и Ирака либеральная интеллигенция первоначально вдохновенно поддержала протестное движение, но по мере его клерикализации предпочла сделать выбор в пользу решения острых политических вопросов компромиссным путем. По данным опросов общественного мнения, проведенных компанией Opinion Research Business International (ORB International), которая входит в холдинг WIN and Gallup International (WINGIA), даже в лучший период своего кратковременного существования ИГ (запрещено в РФ) располагало поддержкой не более 20% сирийского населения.

Несмотря на разногласия между странами, входящими в Совет Безопасности ООН, была единогласно принята резолюция 2178, в которой выражалась особая озабоченность по поводу того, что такие организации, как «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) (запрещено в РФ), Фронт «Ан-Нусра» (ФАН) (запрещено в РФ) и другие ячейки, филиалы, отколовшиеся группы или ответвления «Аль-Каиды» (запрещено в РФ), <...> занимаются вербовкой иностранных боевиков-террористов и вовлекают их в свои ряды». Резолюция содержала несколько важных положений и рекомендаций, реализация которых на практике позволила быстро и существенно сократить приток зарубежных террористов в Сирию и Ирак. В 2015 г. СБ ООН по инициативе России принял резолюцию 2199, нацеленную на пресечение финансовых доходов террористов, действующих в Сирии, Ираке и других странах Ближнего Востока. Примечательно, что в резолюции были раскрыты все каналы переправки финансовых средств боевикам ИГ (запрещено в РФ).

Резолюция СБ ООН 2253 определяла «критерии для включения в перечень на лиц и организации, которые поддерживают «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ, также известное как ДАИШ) (запрещено в РФ). Поручает Группе

по наблюдению представлять доклады о глобальной угрозе, исходящей от ИГ (ДАИШ) (запрещено в РФ), “Аль-Каиды” (запрещено в РФ) и связанных с ними лиц, групп, предприятий и организаций». Резолюции СБ ООН 2331 и 2347 резко осуждали работорговлю и уничтожение объектов, памятников и предметов религиозного назначения, разграбление и незаконный вывоз культурных ценностей из мест археологических раскопок, музеев, библиотек, архивов, находящихся на территории, подконтрольной ИГ (запрещено в РФ), а также предлагала ряд конкретных мер для привлечения к ответственности лиц и предприятий, стоящих за этими преступлениями.

Резолюция СБ ООН 2396 была принята после разгрома ИГ (запрещено в РФ) в Сирии и Ираке. Эта резолюция «настоятельно призывает государства-члены активизировать свои усилия по противодействию угрозе, создаваемой иностранными боевиками-террористами, путем принятия мер в областях пограничного контроля, уголовного правосудия, обмена информацией и противодействия экстремизму. Призывает государства-члены принять надлежащие меры в отношении подозреваемых террористов и членов их семей, которые въехали на их территорию, в том числе путем рассмотрения возможности принятия надлежащих мер по уголовному преследованию, реабилитации и реинтеграции в соответствии с внутренним законодательством и нормами международного права».

Сам факт зарождения террористического интернационала в виде химерического «халифата» с претензией на обладание огромнейшей территорией на трех континентах сразу позволяет сделать вывод о том, что это не столько свидетельство мощи нового феномена, сколько показатель слабости режимов на территории, где попыталось утвердиться «Исламское государство» (запрещено в РФ). Государственное устройство Ирака было полностью дезорганизовано после американского вторжения в 2003 г., а Сирия была ослаблена трехлетним противостоянием правящего режима с оппозицией. Именно в это смутное время у рядовой и в значительной степени маргинализированной террористической

группировки проявилась способность объединить под своим началом около 80 тыс. боевиков, оккупировать значительную территорию двух государств и начать распространять серьезные вызовы и угрозы всему миру. Потребовалось почти четыре года и участие российских ВКС и ВВС, а также ВМФ стран НАТО, которые применяли самые передовые вооружения, чтобы очистить от ИГ (запрещено в РФ) Сирию, а в Ираке загнать остатки террористического интернационала в подпольную сеть. В последнем докладе Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГ (ДАИШ) (запрещено в РФ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой от 1 февраля 2019 г. отмечалось, что эта террористическая структура «остаётся глобальной организацией с централизованным руководством. Она будет продолжать – пусть и в меньшем объеме из-за сократившихся возможностей – выделять ресурсы и предоставлять указания своим филиалам, поскольку считает необходимым любой ценой доказывать свою состоятельность и утвердить себя в качестве лидера “глобального халифата”». По оценкам стран – участниц ООН, сейчас численность ИГ (запрещено в РФ) составляет от 14 тыс. до 18 тыс. боевиков.

Руководящее ядро ИГ (запрещено в РФ) по-прежнему будет заниматься планированием террористических актов в глобальном масштабе. В этой связи террористическое формирование, обладающее большим запасом денежных средств и оружия, будет оставаться самой опасной в ближайшей перспективе террористической структурой. Наиболее крупные силы ИГ (запрещено в РФ), как и прежде, сосредоточены в Сирии и Ираке, безусловно, они будут использовать различные виды терактов для дестабилизации ситуации в этих странах.

Угроза, исходящая от иностранных боевиков-террористов, покидающих зону конфликта, также будет усиливаться. Не исключено, что многие из них продолжают заниматься террористической деятельностью в странах исхода или странах оседания. Большую опасность ИГ (запрещено в РФ) представляет и для России.

Очевидно, что ИГ (запрещено в РФ) будет криминализироваться в целях пополнения сильно обедневшей казны.

ИГ (запрещено в РФ), несомненно, будет использовать киберпространство для передачи зашифрованных сообщений своим агентам и вербовки новых кадров.

Среди актуальных невоенных методов борьбы с ИГ (запрещено в РФ) целесообразно выделить следующие: установление международного контроля за нелегальным трафиком нефти через Курдистан и Турцию; изоляцию джихадистов от международной финансовой системы путем блокирования банковских и иных схем, которыми они пользуются; полное перекрытие возможных каналов связи и распространения информационно-пропагандистских материалов. Следует также решительно противодействовать распространению джихадистской идеологии, особенно в местах компактного проживания мусульман. Купированию терроризма будет способствовать международная координация антитеррористической деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вооруженные негосударственные субъекты – один из самых разнообразных и изменчивых подтипов негосударственных акторов. В эту категорию попадают ополченцы, террористические организации, наркокартели и уличные банды. Эти организации, как правило, анализируются в литературе по международной и национальной безопасности. Тем не менее, особенно в последнее десятилетие, исследователи терроризма, повстанческих движений, гражданских войн и организованной преступности проявляют растущий интерес к невоенному измерению деятельности этих структур. Таких акторов все чаще рассматривают как «поставщиков управления» (governance providers), особенно в областях с ограниченной государственностью. Подъем роли негосударственных акторов на Ближнем Востоке напрямую связан со слабостью государств, это приводит к тому,

что они начинают брать на себя выполнение определенных государственных функций. События «арабской весны» отчетливо продемонстрировали факт слабости государственных институтов стран БВиСА, что привело к усилению влияния негосударственных акторов. Исследования показывают, что силовые негосударственные акторы занимаются социально-экономическим и политическим управлением подконтрольной территории для извлечения необходимых материальных ресурсов, усиления своей власти и укрепления ее легитимности.

Основное внимание настоящего диссертационного исследования сфокусировано на истории происхождения, причинах образования, идеологии и политических принципах трех ключевых силовых негосударственных субъектов на Ближнем Востоке: «Хизбалле», ХАМАС и «Исламском государстве» (запрещено в РФ). На наш взгляд, эти исламские радикальные движения сумели трансформироваться и перейти на качественно новый уровень, который позволяет квалифицировать их как силовые квазигосударственные субъекты. Они либо интегрируются в госструктуры и становятся их органичной частью, сохраняя при этом в ослабленном государстве независимые позиции, либо заменяют собой структуры управления в несостоявшихся государствах. Вне всякого сомнения, они обладают основными атрибутами государственности и способны организованно и систематически применять вооруженное насилие для достижения своих политических целей, бросать вызов действующим правительствам ради получения контроля за территорией и финансовыми потоками.

Актеры, подобные «Хизбалле», ХАМАС и «Исламскому государству» (запрещено в РФ), актуализировали классическую проблему атрибуции, поставив под вопрос существующие типологии акторов мировой политики. Для уточнения классификации указанных акторов необходимо было актуализировать содержание понятия «негосударственный актер». Под термином «негосударственный актер» в настоящем исследовании подразумевается субъект структуры международных отношений, обладающий транснациональностью и способностью влиять на мировые

политические процессы ресурсами, целями, стратегией, задачами, интересами, внутренней структурой, самостоятельностью в принятии решений, пользующийся официальным или неофициальным признанием других акторов и принадлежностью к определенной группе. Типология феномена «негосударственных акторов» с 1970-х г. является предметом серьезного изучения и анализа. В зависимости от того, как «негосударственные акторы» проявляют себя в отношении уже существующих государств, их общепринято разбивать на три группы: поддерживающие с государством партнерские, нейтральные или враждебные отношения.

Для настоящего исследования наибольший интерес представляла группа «враждебных акторов», которая имеет несколько составляющих, и одна из них – «надгосударственные антисистемные игроки, деятельность которых направлена на принципиальное уничтожение существующего регионального порядка, а в отдельных случаях – порядка мирового». Концепция акторов такого типа включает образования, которые в значительной степени или полностью автономны, имеют собственные источники финансирования и никому не подчиняются, кроме собственного руководства, расширяют границы своего контроля на территории двух или нескольких государств, вторгаясь тем самым в систему транснациональных отношений.

В отечественной политической науке принято выделять два основных типа негосударственных вооруженных акторов. «Первая группа – движения и организации, чье формирование и укрепление связаны со слабостью государства, неспособного обеспечить безопасность своих граждан и социальные обязательства перед ними, либо с его распадом. Население вынуждено вооружаться, чтобы выжить в сложных обстоятельствах, ищет возможности присоединиться к любым, даже наиболее радикальным силам, ассоциация с которыми дает надежду на защиту. Появление второй группы акторов связано с отсутствием государства, когда его функции пытаются взять на себя отдельные организации, способные предложить привлекательную повестку дня и обеспечить высокий уровень мобилизации». При

таком подходе одну и ту же организацию, например «Хизбаллу», можно рассматривать и как государственную, и как негосударственную конфигурацию одновременно. В условиях кризиса некоторые негосударственные акторы способны брать в свои руки военные и управленческие функции, возглавляют квазиправительства в отсутствие государственности (ХАМАС) и даже претендуют на собственное государственное строительство (ИГ (запрещено в РФ)).

Результатом решения фундаментальной задачи атрибутирования «Хизбаллы», ХАМАС и «Исламского государства» (запрещено в РФ) стало формулирование понятия «квазигосударственного вооруженного актора» (КГВА). Автор решил остановиться на этом термине, так как он лучше всего отражает комплексный характер все трех рассматриваемых в исследовании организаций.

Э. Берман, Д. Лейк, Н. Бапат, Д. Байман, К. Боб, С. Арвес, К. Галлахер-Куннигхэм и К. МакКуллоха сходятся во мнении, что феномен активности КГВА особенно отчетливо выделяется в насыщенном многочисленными конфликтами ближневосточном регионе, которые одновременно ослабляют утвердившиеся у власти легитимные с точки зрения международного права правящие режимы и в то же время усиливают и создают благодатную почву для активизации и роста амбиций альтернативных акторов. Сказанное подтверждает правомочность и целесообразность употребления термина КГВА в отношении «Хизбаллы», ХАМАС и ИГ (запрещено в РФ).

Важно отметить, что при определении «квазигосударственности» рассматриваемых акторов необходимо учитывать, что ориентируются они преимущественно на «мусульманскую государственность», которая отличается от вестфальской государственности. Решая поставленную исследовательскую задачу по выявлению содержания «мусульманской государственности», было показано, что у мусульманского населения стран Ближнего Востока и Северной Африки объективно проявляется ощущение проигрыша соседним цивилизациям, осознание несправедливости политики внешнего мира, особенно Запада. На этих чувствах

умело играют популисты радикальной исламской альтернативы с ее нехитрыми апелляциями к построению государственности, в основе которой справедливые законы неискаженного временем мусульманского права.

Дальнейшее исследование заключалось в историческом анализе трансформации рассматриваемых акторов от рядовых экстремистских организаций радикального ислама в квазигосударственную хорошо организованную вооруженную силу, альтернативную существующим формам государственного управления. Данный анализ позволил решить следующие поставленные вопросы: определить исторические предпосылки радикализации ислама во второй половине XX века, ставшие отправной точкой для зарождения «Хизбаллы», ХАМАС, и «Исламского государства» (запрещено в РФ); рассмотреть эволюцию структуры их руководства, источников финансирования, военного потенциала, программных документов, методов, которые используются ими для достижения политических целей, и выявить существующие между ними общие черты и отличия.

Первоначально «Хизбалла» действительно находилась под религиозно-политической и финансовой опекой Ирана и в определенной мере в зависимости от Сирии. К концу 1980-х гг. «Хизбалла» объединила в единую структуру различные группировки, действовавшие до этого под эгидой организации, и превратилась в грамотно иерархически выстроенную партию, позволившую ей стать серьезным политическим игроком в Ливане, поскольку ее политическая активность не уступала военным и религиозным действиям. С этого времени «Хизбалла» вполне соответствует понятийной целевой установке – субъект региональной политики вне контекста терроризма, который первоначально был неотъемлемой чертой сопротивленческой стратегии ливанского шиитского движения. «Хизбалла» в нынешней ее конфигурации полностью соответствует понятию «актор мировой политики», под которым подразумевается субъект структуры международных отношений, обладающий 1) транснациональностью и способностью влиять на мировые политические процессы, 2) ресурсами, 3) целями, стратегией, задачами,

интересами, 4) внутренней структурой, 5) самостоятельностью в принятии решений, 6) пользующийся официальным или неофициальным признанием других акторов и 7) принадлежностью к определенной группе.

Структура ХАМАС, претерпевшая кардинальную реформу в 2016 г., в большей степени соответствует модели правящей квазигосударственной партии, которая совмещает исламистское, национальное и социальное направления деятельности. Всей работой ХАМАС руководит Маджлис аш-Шура (Консультативный совет). Ему подчиняются отраслевые (министерские) комитеты, ответственные за различные виды деятельности. На местном уровне действуют соответствующие комитеты ХАМАС, которые должны претворять в жизнь решения высших органов.

Что касается такого критерия акторности, как самостоятельность в принятии решений, то ХАМАС в этом отношении проявляет себя более независимо, чем «Хизбалла». Красноречивое свидетельство тому – отказ руководства движения от тесного сотрудничества с той же «Хизбаллой», Ираном и Сирией, жесткое противодействие экстремистским палестинским группам, присягнувшим на верность «Исламскому государству» (запрещено в РФ).

ХАМАС стремится абстрагироваться от своих корней и не афишировать исторической связи с «Братьями-мусульманами» (запрещено в РФ). В последнем программном документе организации подчеркивается, что ХАМАС является национальным проектом палестинского народа и «палестинцы должны обладать независимостью в процессе принятия общенациональных решений. Внешние силы не должны вмешиваться в этот процесс. В то же время ХАМАС подтверждает, что арабы и мусульмане несут совместную ответственность за освобождение Палестины от сионистской оккупации».

Анализ деятельности ХАМАС демонстрирует, что это радикальное исламское движение являет собой квазигосударственную фракцию в секторе Газа, обладающую основными признаками государства: собственной территорией, полной суверенитетом, населением и легитимностью. Еще на ранних этапах своей эволюции

лидеры ХАМАС сумели извлечь из учения отцов – основателей египетской салафистской организации «Братья-мусульмане» (запрещено в РФ) одно из важнейших положений. Его суть проста: путь к народной признательности кроется в повседневной и рутинной работе во всех сферах гражданского общества, которое в целом, как совокупность отдельных личностей, заинтересовано в постоянном повышении социального статуса и качества жизни. Сотни тысяч палестинцев ощущали чувство полной бесправности и вынуждены были искать альтернативные источники социальной защиты и поддержки. Вакуум, образовавшийся в сфере обеспечения минимально приемлемого уровня жизни, был использован ХАМАС для того, чтобы предоставить всем нуждающимся людям столь недостающие социальные услуги. Именно работа по обеспечению благосостояния палестинского населения и благотворительность обеспечили значительное увеличение численности движения и массовую политическую поддержку со стороны многих палестинцев.

И хотя методы, к которым прибегает ХАМАС (и другие квазигосударственные вооруженные акторы), могут быть классифицированы как террористические, зачастую подобные действия совершаются из-за недостатка средств военного обеспечения. Более того, такие действия, как показывает практика, могут эффективно привлечь к себе внимание международного сообщества. Например, нападение ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. носило террористический характер, что подчеркивается в том числе российскими официальными лицами. Однако радикальный шаг, на который пошло движение, произошел на фоне нескольких факторов: нерешенности палестино-израильского конфликта и политики первой администрации Д. Трампа, вызвавшей разбалансировку на палестино-израильском треке, а также все большей индифферентности арабских стран по отношению к вопросу Палестины, выражавшейся в процессе нормализации отношений с Израилем. Как итог, нападение ХАМАС смогло привлечь внимание мировой общественности к палестинскому вопросу. Последовавшая за ним эскалация палестино-израильского конфликта, военная операция Израиля в секторе Газа и принцип коллективной

ответственности, применяемый израильской стороной, привели к волне признания Палестины со стороны различных государств (Норвегия, Армения, Словения, Ирландия и Испания). Более того, 19 июля 2024 г. Международный суд ООН вынес консультативное заключение о том, что поселенческая политика Израиля на оккупированных палестинских территориях нарушает международное право, призвав Израиль прекратить поселенческую политику, и классифицировал присутствие Израиля на оккупированных территориях как незаконное. Суд также заявил, что Израиль имеет обязательство выплатить репарации палестинцам, проживающим на оккупированных территориях.

Автор считает, что такая международная реакция была бы невозможна без радикальных действий со стороны ХАМАС, что подтверждает выводы исследования о росте роли квазигосударственных вооруженных акторов в системе международных отношений в целом и на Ближнем Востоке в частности.

«Хизбалла» в Ливане ассоциируется с движением сопротивления, которое ведется по трем направлениям: сопротивление военное, сопротивление политическое и сопротивление всему тому, что вредит социальному развитию. Вот почему дискурс о роли «Хизбаллы», ведущийся на Западе и в Израиле, в корне отличается от дискурса на эту же тему в Ливане. Если для первой стороны дискурса все формы сопротивления внешнему вторжению тут же отождествляются с терроризмом, то для второй стороны все указанные формы сопротивления играют центральную роль в обеспечении легитимности «Хизбаллы». Важно учесть это обстоятельство в контексте ливанского неолиберализма, где понятие общественного блага слабо поддерживается хрупким государством. Социальная составляющая «Хизбаллы» в значительной степени является результатом экономического и исторического прошлого Ливана. Веками существовавшая социальная незащищенность создавала консолидированные формы клиентелизма. В результате социальная деятельность «Хизбаллы» характеризуется консолидированными формами патронажа: на их основе создаются конкретные рабочие места, укрепляется заинтересованность

бенефициаров и их стремление в дальнейшем поддерживать именно эту партию, и у ее сторонников укрепляется вера в то, что они выполняют важную духовную, этическую, политическую и социальную миссию.

В условиях, когда Ливан был в нескольких шагах от новой этнической и религиозной войны, только «Хизбалла» могла реально воспрепятствовать втягиванию страны в сирийское кровопролитие, противостоять силам, угрожающим территориальной целостности и независимости Сирии и Ливана, обеспечить безопасность и выживание несуннитских общин обеих стран.

«Хизбалла» преодолевает стадию перехода из разряда силового квазигосударственного актора на положение полноценного государственного актора, имеющего достаточный военный, политический и социально-экономический потенциал, а также способность сдерживать серьезные внешние и внутренние вызовы.

Отдельно стоит отметить, что гибель третьего генерального секретаря Х. Насраллы в сентябре 2024 вместе с другими членами руководства «Партии Аллаха» не привела к уничтожению «Хизбаллы» как организации, о чем свидетельствуют обстрелы Израиля со стороны «Хизбаллы», продолжающиеся непосредственно после ликвидации руководства партии, и скорое избрание Н. Касема преемником Х. Насраллы. Это дает основания говорить о прочности «Хизбаллы» как организации, в том числе за счет ее интеграции в политическую систему Ливана, а также о том, что идеология сопротивления продолжает пользоваться поддержкой среди местного населения.

ИГ (запрещено в РФ), другой квазигосударственный силовой актор, детально рассмотренный в настоящем исследовании, было сформировано в 2006 г. и одной из основных причин его появления можно назвать слабость государственной власти в странах Ближнего Востока. В частности, агрессия США в Ираке в 2003 г. и последовавший за ней демонтаж иракского государства создали условия для образования ИГ (запрещено в РФ). Схожим образом в соседней Ираку Сирии

многолетняя гражданская война ослабила центральную государственную власть арабской республики. Группировка ИГ (запрещено в РФ), в создавшихся условиях, смогла объединить вокруг себя тысячи сторонников как из террористического интернационала, так и из числа лиц, недовольных происходящими событиями, например бывших членов иракского «Баас» и бывших офицеров иракской армии, тем самым дав начало процессу «глобального джихада». Значительные территориальные приобретения и захват г. Эр-Ракка в 2013 и г. Мосул в 2014 г. позволяют делать вывод о том, что в этот период ИГ (запрещено в РФ) стало трансформироваться в квазигосударственный силовой актор, который, обладая своими атрибутами государственности, начал забирать у ослабевших властей Ирака и Сирии государственные функции на территориях своего контроля: речь идет о местных службах самоуправления, навязывании социальных норм поведения, сборе налогов и собственном судопроизводстве. ИГ (запрещено в РФ) смогло кратковременно закрепиться на территории двух вышеупомянутых государств и, используя обширный аппарат для производства и распространения информации, стало представлять серьезную угрозу не только региону Ближнего Востока, но и всему миру.

Угроза, исходящая от ИГ (запрещено в РФ), привела к ответной реакции в виде деятельности ВКС РФ и международной коалиции во главе с США, что привело к поражению ИГ (запрещено в РФ), которое вернулось к своему первоначальному статусу международной исламистской террористической организации. Кроме военного поражения, уместно упомянуть о том, что образ «халифата», навязываемый ИГ (запрещено в РФ), встретил отпор со стороны исламского мира. Будучи квазигосударственным силовым актором, ИГ (запрещено в РФ) также не уделяло достаточного внимания социальной сфере, что параллельно с подавлением свобод и предельной жестокостью наказаний стало отталкивать от него большие массы людей, получая тем самым поддержку только маргинальных слоев населения.

Все вышеуказанные факты привели к дезинтеграции ИГ (запрещено в РФ),

которое вряд ли сможет восстановить свою прежнюю структуру. В то же время группировка все еще обладает обширной сетью распространённых по всему миру ячеек, которые до сих пор представляют угрозу, в том числе безопасности России. При этом наиболее крупные ее филиалы по сей день расположены в наиболее проблемных районах Ближнего Востока, где они могут воспользоваться различными средствами для дестабилизации обстановки. Сохраняется угроза от иностранных боевиков ИГ (запрещено в РФ), покидающих зону конфликта на Ближнем Востоке, в особенности на фоне роста конфликтогенности в мире. Очевидно также, что группировка будет активно использовать киберпространство как для пополнения своих рядов, так и для пропаганды своих идей. В этой связи уместно отметить, что наибольшую угрозу для глобальной международной безопасности представляет идеология «Исламского государства» (запрещено в РФ).

Автор предлагает несколько невоенных методов борьбы с угрозой ИГ (запрещено в РФ): изоляция боевиков от международной финансовой системы путем блокирования всех банковских и иных схем финансирования; перекрытие каналов для обмена связи и распространения пропаганды ИГ (запрещено в РФ), а также противодействие идеологии ИГ (запрещено в РФ), особенно в местах компактного проживания мусульман; международный контроль за нелегальным трафиком нефти через Курдистан и Турцию.

В заключение следует отметить, ни ХАМАС, ни тем более «Хизбалла» не представляют никакой угрозы для безопасности России и ее граждан. Более того, контакты России с этими организациями могли бы сыграть положительную роль для корректировки в сторону смягчения их позиции в отношении Израиля и позитивного продвижения мирного процесса ближневосточного урегулирования.

Дальнейшие направления исследования автора могут быть связаны с уточнением типологии акторов мировой политики с учетом существования незападных форм государственности. Шмуэль Айзенштат ввел в научный оборот понятие «многочисленных модернов», имея в виду, что нет универсальной модернизации, в

каждом регионе мира у этого явления есть своя специфика, в том числе и на Арабском востоке. Государственность, как и модерн в целом, имеет в арабском мире свои историко-культурные особенности. Одним из ведущих теоретиков «арабского модерна» и «арабского государства» является Мохамед Абед аль-Джабри. Такие же специфические формы государственности существуют и в контексте других модернов. Это ставит вопрос об ограниченности универсальной типологии акторов мировой политики. Вполне возможно, что актор, который на Западе рассматривается как негосударственный, в арабском мире будет считаться вполне государственным. Понятие негосударственный актор мировой политики все более размывается.

Сегодня именно негосударственные акторы являются активными игроками на Ближнем Востоке, в частности атака ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. и последующая активизация деятельности хуситов в районе Красного моря демонстрируют, что квазигосударственные вооруженные акторы в регионе могут серьезно воздействовать не только на региональную ситуацию, но и готовы бросить вызов глобальным игрокам. Происходящий параллельно с этим процесс снижения внимания США к региону дает негосударственным акторам политические, военные и экономические выгоды. В то же время вовлечение традиционных государственных акторов в конфликты с квазигосударственными акторами (эскалация палестино-израильского конфликта и эскалация напряженности на израильско-ливанской границе; операция «Страж процветания» во главе с США против йеменских хуситов) приводят, как бы ни парадоксально это звучало, к повышению значимости квазигосударственных военных акторов. Указанные факты подтверждают актуальность настоящего исследования.

Что касается влияния рассматриваемых в исследовании группировок на умонастроения мусульман России, то можно констатировать, что в целом мусульманское население России занимает пропалестинскую позицию и солидаризируется с палестинским народом. В то же время создание на территории Российской Федерации организаций, альтернативных тем, что рассматривались в

исследовании, не допускается, поскольку одним из условий их образования и усиления роли является слабость центральной государственной власти. Вместе с тем для России интерес представляет возможное появление и усиление таких тенденций в ряде центральноазиатских республик бывшего СССР, что потенциально может перерасти в угрозу для национальной безопасности Российской Федерации. Как представляется, описанная выше проблема может быть более детально изучена при практическом и прикладном использовании выводов настоящего диссертационного исследования. Более того, учитывая отмеченный выше рост влияния квазигосударственных военных акторов (ХАМАС, «Хизбалла» и хуситы), автор полагает, что итоги исследования могут быть использованы для того, чтобы помочь выстроить поведенческую линию Российской Федерации в отношении КГВА, в частности в том, что касается ответа на вопрос, можно ли считать данные организации и движения частью международных отношений, тем самым легитимизировав их на международной арене.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации и входящие в Перечень РУДН:

1. Морозов В.М. «Проблема евреев СССР» в документах Государственного архива Израиля (1954-1956 гг.) / Ю.И. Костенко, В.М. Морозов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2022. – № 3. – С. 24-36. – DOI 10.52452/19931778_2022_3_24. – EDN ULFFUL.

2. Морозов В.М. Актуальное состояние российско-пакистанских отношений / В.М. Морозов, Е.О. Шебалина // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2022. – Т. 12, № 1(82). – С. 196-203. – DOI 10.35775/PSI.2022.82.1.022н. – EDN CWLGWB.

3. Морозов В.М. Республики Центральной Азии в контексте новых вызовов и угроз. По результатам визита в Программный офис ОБСЕ и Академию ОБСЕ в Бишкеке / В.М. Морозов // Международная жизнь. – 2021. – № 12. – С. 34-37. – EDN WQMDRK.

4. Морозов В.М. Отношения Израиля и СССР в 1956-1957 годах: по документам Государственного архива Израиля / Ю.И. Костенко, В.М. Морозов // Научный диалог. – 2021. – № 8. – С. 356-374. – DOI 10.24224/2227-1295-2021-8-356-374. – EDN ISHHDA.

5. Морозов В.М. «Правый поворот» в политической жизни Израиля (1965-1977 гг.) / В.М. Морозов, С.В. Мельникова // Научный диалог. – 2020. – № 10. – С. 353-367. – DOI 10.24224/2227-1295-2020-10-353-367. – EDN KOLBAM.

6. Морозов В.М. Признаки государственности ХАМАС, «Хезболлы» и ИГИЛ: историографический обзор / В.М. Морозов // Научный диалог. – 2019. – № 9. – С. 391-406. – DOI 10.24224/2227-1295-2019-9-391-406. – EDN WXOZQK.

7. Морозов В.М. «Совесь мира» или «заговор молчания»? К годовщинам Эвианской и Бермудской конференций / Д.В. Иванов, А.В. Крылов, В.М. Морозов [и др.] // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 4(61). – С. 125-152. – DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-125-152. – EDN VLJPCV.

8. Морозов В.М. Звуки «Дипломатической симфонии» / В.М. Морозов // Вестник МГИМО Университета. – 2018. – № 5(62). – С. 162-164. – DOI 10.24833/2071-8160-2018-5-62-162-164. – EDN VNUASW.

9. Морозов В.М. Борьба с терроризмом: Израильский опыт / В.М. Морозов, Е.В. Литвинова // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 1(35). – С. 117-123. – DOI 10.22281/2413-9912-2018-02-01-117-123. – EDN YVXGZI.

10. Морозов В.М. Индийский вектор израильской внешней политики / В.М. Морозов, А.А. Микаелян // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 2(36). – С. 125-134. – DOI 10.22281/2413-9912-2018-02-02-125-134. – EDN XRYYPZ.

11. Морозов В.М. Влияние США на формирование и развитие ВПК государства Израйля / В.М. Морозов, Н.З. Шуминов // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 2(36). – С. 135-146. – DOI 10.22281/2413-9912-2018-02-02-135-146. – EDN USZCBG.
12. Морозов В.М. «Подземная война» Израйля против ХАМАС / А.А. Ермаков, В.М. Морозов // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 1(35). – С. 38-42. – DOI 10.22281/2413-9912-2018-02-01-38-42. – EDN WCDIZF.
13. Морозов В.М. Компаративный анализ акторности ХАМАС и Хизбаллы и перспективы их встраивания в мировой политический порядок / В.М. Морозов, А.Б. Хачирова // Сравнительная политика. – 2018. – Т. 9, № 2. – С. 105-113. – DOI 10.18611/2221-3279-2018-9-2-105-113. – EDN XQRAGT.
14. Морозов В.М. Эхо летней войны в секторе Газа / А.А. Ермаков, В.М. Морозов // Азия и Африка сегодня. – 2017. – № 10(723). – С. 18-21. – EDN ZMVS RV.
15. Морозов В.М. Ракеты как военный инструмент палестинцев в наши дни / В.М. Морозов, И.Д. Звягельская, Г.Г. Косач // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 6(108). – С. 123-129. – EDN ZELRGL.
16. Морозов В.М. Формирование палестинской нации: основные этапы / А.В. Крылов, В.М. Морозов // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 3(105). – С. 135-142. – EDN YUNSRR.
17. Морозов В.М. Динамика конфликта между Израилем и организацией ХАМАС в период 2014-2016 гг. / В.М. Морозов, Т.В. Носенко, А.В. Крылов // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 7(109). – С. 143-151. – EDN ZHLIFX.
18. Морозов В.М. Палестино-израильский трек: провал ближневосточной политики администрации Б. Обамы / А.В. Крылов, В.М. Морозов // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – № 4(55). – С. 99-112. – DOI 10.24833/2071-8160-2017-4-55-99-112. – EDN ZEYYYYX.

19. Морозов В.М. Динамика конфликта между Израилем и организацией ХАМАС в период 2014-2016 гг / В.М. Морозов, Т.В. Носенко, А.В. Крылов // Миссия конфессий. – 2017. – № 24. – С. 119-126. – EDN ZRQMFJ.

20. Морозов В.М. Исламский фактор в политическом развитии Палестины / А.В. Крылов, В.М. Морозов // Миссия конфессий. – 2017. – № 21. – С. 39-55. – EDN YUQLLR.

21. Морозов В.М. Операция «Возвращайтесь, братья» в контексте палестино-израильского противостояния / В.М. Морозов, А.А. Ермаков // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 4(49). – С. 131-136. – EDN WXOKIR.

22. Морозов В.М. Опыт Израиля в привлечении высококвалифицированных мигрантов / В.М. Морозов // Международные процессы. – 2013. – Т. 11, № 3-4(34-35). – С. 85-94. – EDN SHUIFV.

23. Морозов В.М. Израиль и средиземноморская безопасность / В.М. Морозов // Международные процессы. – 2012. – Т. 10, № 3-4(30-31). – С. 91-97. – EDN QBCQXB.

24. Морозов В.М. Интеллектуальная миграция в Израиль: российский аспект / В.М. Морозов // Вестник МГИМО Университета. – 2012. – № 6(27). – С. 238-241. – EDN PYJLIH.

25. Морозов В.М. Израиль-Иран: балансирование на грани? / И.Д. Звягельская, В.М. Морозов // Вестник МГИМО Университета. – 2010. – № 5(14). – С. 182-187. – EDN NCTQIL.

26. Морозов В. «Русские» в Израиле / В. Морозов // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 11(616). – С. 41-46. – EDN JVOCMB.

Монографии:

1. Морозов В.М. Иерусалим и Россия: связь веков / А.В. Крылов, А.В. Федорченко, В.М. Морозов, Е.О. Шебалина. – Москва: МГИМО, 2024. – 489 с. – ISBN 978-5-9228-2838-3. – EDN DQBYXG.

2. Морозов В.М. Глава 20. Негосударственные вооруженные акторы в конфликтах на Ближнем Востоке / В.М. Морозов // Ближний Восток: Политика и

идентичность. – Издание второе, исправленное и дополненное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2024. – С. 249-257. – EDN TNCADM.

3. Морозов В.М. Эволюция израильско-китайских и израильско-индийских отношений / А.А. Микаелян, В.М. Морозов. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2023. – 213 с. – (Научная школа МГИМО). – ISBN 978-5-9228-2676-1. – EDN JCIGAN.

4. Морозов В.М. Палестино-израильский конфликт. Эволюция подходов к урегулированию / В.М. Морозов, С.В. Мельникова. – Москва: МГИМО, 2023. – 271 с. – ISBN 978-5-9228-2777-5. – EDN LBKMER.

5. Morozov V. The Middle East. Politics and Identity / A. Bogacheva, A. Davydov, I. Ibragimov [et al.]. – Moscow: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2022. – 389 p. – ISBN 978-5-9535-0602-1. – DOI 10.20542/978-5-9535-0602-1. – EDN UOAJVA.

6. Morozov V.M. NGOs in the Middle East / V.M. Morozov // Turning Points of World Transformation. New Trends, Challenges and Actors. – Cham: Palgrave Macmillan Ltd., 2022. – P. 15-26. – DOI 10.1007/978-981-19-1758-5_2. – EDN STULKY.

7. Morozov V.M. The Origin, Present State, and Future of Multipolarity from a Connectivity Perspective / A. Korybko, V.M. Morozov, E.O. Shebalina // Turning Points of World Transformation. New Trends, Challenges and Actors. – Cham: Palgrave Macmillan Ltd., 2022. – P. 63-81. – DOI 10.1007/978-981-19-1758-5_5. – EDN FECVTA.

8. Морозов В.М. 30 лет полноформатных российско-израильских дипломатических отношений: прошлое, настоящее и будущее / С.В. Лавров, А.В. Торкунов, М. Трахтенберг [и др.]. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет), 2021. – 331 с. – ISBN 978-5-9228-2530-6. – EDN MXDWEU.

9. Morozov V.M. A view from the outside: Russian Experts About Modern Israel / A.V. Krylov, V.M. Morozov, A.V. Fedorchenko [et al.]. – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2021. – 400 p. – ISBN 978-5-907384-86-6. – EDN IWLRZC.

10. Морозов В.М. Глава 12. Квазигосударства как акторы международной безопасности (на примере ХАМАС) / В.М. Морозов // Международная безопасность. Глобальные и региональные акторы / Отв. ред. М.М. Лебедева, Ю.А. Никитина. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2020. – С. 184-196. – EDN ESGMOH.

11. Morozov V.M. Russia's Public Diplomacy in the Middle East / V.M. Morozov, G. Simons // Russia's Public Diplomacy: Evolution and Practice. – London: Palgrave Macmillan Ltd., 2020. – P. 233-256. – EDN FUCHDG.

12. Морозов В.М. Государство Израиль: путь длиною в 70 лет / А.В. Крылов, Т.А. Карасова, А.В. Федорченко [и др.]. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2019. – 237 с. – ISBN 978-5-9228-2018-9. – EDN XGDCGP.

13. Морозов В.М. Государство Палестина: право на будущее / А.В. Федорченко, А.В. Крылов, В.М. Морозов. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. – 419 с. – (Научная школа МГИМО). – ISBN 978-5-9228-1770-7. – EDN YPLHCO.

14. Морозов В.М. «Русский» Израиль: влияние репатриантов на российско-израильские отношения / В.М. Морозов. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2015. – 165 с. – ISBN 978-5-9228-1381-5. – EDN VIZGSL.

Статьи, опубликованные в изданиях, индексируемых в международных базах SCOPUS и WOS:

1. Morozov V.M. The Promise and Failure of Israeli-Palestinian Peace Process in 1990s: A Literature Review / V.M. Morozov, E.O. Shebalina, S.V. Melnikova // MGIMO Review of International Relations. – 2024. – Vol. 17, No. 4. – P. 136-154. – DOI 10.24833/2071-8160-2024-4-97-136-154. – EDN MUDBQW.

2. Морозов В.М. Эволюция оценок соглашений Осло в современных международных отношениях / В.М. Морозов, С.В. Мельникова, Е.О. Шебалина // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2023. – № 5. – С. 104-115. – DOI 10.31857/S086919080024658-0. – EDN XJPHMB.

3. Морозов В. Российско-Африканское взаимодействие и дипломатия саммитов. Проблемы и перспективы / А. Федорченко, А. Крылов, В. Морозов [и др.] // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, № 4(71). – С. 37-51. – DOI 10.17994/IT.2022.20.4.71.4. – EDN FQMVOA.

4. Морозов В.М. Не конфликтом единым: потенциал цифрового взаимодействия Израиля и Палестины / С.Ю. Бабенкова, Д.А. Марьясис, В.М. Морозов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 320-341. – DOI 10.22363/2313-0660-2022-22-2-320-341. – EDN LDPBTV.

5. Морозов В.М. «Инновационное стратегическое сотрудничество»: китайско-израильские отношения в сферах экономики и безопасности / В.М. Морозов, А.А. Байков, В.А. Гневашева, А.А. Микаелян // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65, № 12. – С. 15-26. – DOI 10.20542/0131-2227-2021-65-12-15-26. – EDN LEBCPT.

6. Морозов В.М. Фактор США в израильско-китайских и израильско-индийских отношениях / А.А. Микаелян, В.М. Морозов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 2. – С. 338-349. – DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-2-338-349. – EDN IVFFSH.

7. Морозов В.М. Формирование политики в отношении СССР в 1954-1955 гг. в материалах Государственного архива Израиля / Ю.И. Костенко, В.М. Морозов //

Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т. 12, № 3(101). – DOI 10.18254/S207987840014114-4. – EDN CDFSLN.

8. Morozov V.M. Network Diplomacy: Approaches to the Israeli-Palestinian Conflict / V.M. Morozov // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya. – 2021. – Vol. 26, No. 1. – P. 145-156. – DOI 10.15688/jvolsu4.2021.1.13. – EDN LASRNP.

9. Morozov V.M. The Prospects of Russia and India Jointly Leading a New Non-Aligned Movement / A. Korybko, V.M. Morozov // MGIMO Review of International Relations. – 2020. – Vol. 13, No. 2. – P. 94-122. – DOI 10.24833/2071-8160-2020-2-71-94-122. – EDN JOZSBT.

10. Morozov V.M. Pakistan's Role In Russia's Greater Eurasian Partnership / A. Korybko, V.M. Morozov // Polis. Political Studies. – 2020. – No. 3. – P. 9-22. – DOI 10.17976/jpps/2020.03.02. – EDN IKTGAU.

11. Morozov V. Network Diplomacy: Theory / V. Morozov, E. Shebalina, O. Lebedeva // Istoriya. – 2019. – Vol. 10, No. 11(85). – P. 27. – DOI 10.18254/S207987840008084-1. – EDN ETFRWB.

12. Морозов В.М. Идеология ХАМАС: от радикального исламизма к рациональному практицизму? / А.В. Крылов, В.М. Морозов // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 4. – С. 84-99. – DOI 10.17976/jpps/2018.04.07. – EDN UUOYZO.

Публикации в других научных изданиях:

1. Morozov V.M. Vaccine Diplomacy and Vaccine Nationalism / A. V. Kirgizov-Barskii, V. M. Morozov // Russia in Global Affairs. – 2022. – Vol. 20, No. 3(79). – P. 162-181. – DOI 10.31278/1810-6374-2022-20-3-162-181. – EDN ITQALY.

2. Морозов В.М. Суннитско-шиитская конфронтация как политический риск и фактор эскалации террористической угрозы / В.М. Морозов, Е.О. Шебалина, В.К. Ефремов // Страховое право. – 2020. – № 1(86). – С. 48-54. – EDN LKTAFF.

3. Морозов В.М. Проблемы адаптации нефтегазового комплекса аравийских монархий к современности / В.А. Исаев, А.О. Филоник, В.М. Морозов // Этносоциум и межнациональная культура. – 2017. – № 6(108). – С. 178-189. – EDN ZELRIT.

4. Морозов В.М. Возобновляемые источники энергии в развитии Арабского Востока (на примере становления гелиоэнергетики) / А.О. Филоник, В.А. Исаев, В.М. Морозов // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – № 6(57). – С. 143-160. – DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-143-160. – EDN YMYIVD.

5. Морозов В.М. О проблемах выходцев из республик бывшего СССР в Израиле / В.М. Морозов // Ближний Восток и современность. – 2006. – № 27. – С. 136-142. – EDN UJPYVF.

Учебно-методические пособия:

1. Морозов В.М. Дипломатия стран Востока и Юга в условиях трансформации системы международных отношений: Учебник для вузов / К.М. Барский, А.К. Бобров, В.М. Морозов [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2024. – 408 с. – ISBN 978-5-7567-1313-8. – EDN ALEHLE.

2. Морозов В.М. Ислам в государственной и общественно-политической системах стран Востока / М.А. Сапронова, К.П. Боришполец, В.М. Морозов [и др.]. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. – 350 с. – ISBN 978-5-9228-1840-7. – EDN XOCSIH.

3. Морозов В.М. Исламская общественно-политическая мысль перед вызовами современности / Б.В. Долгов, С.Б. Дружиловский, В.М. Морозов [и др.]. – Москва: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. – 192 с. – ISBN 978-5-9228-1934-3. – EDN VJLCJC.

4. Морозов В.М. Публичная дипломатия зарубежных стран: Учебное пособие / Е.М. Астахов, А.А. Великая, В.М. Морозов [и др.]; Под ред. А.Н. Панова и

О.В. Лебедевой. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 208 с. – ISBN 978-5-7567-0934-6. – EDN VKNATQ.

5. Морозов В.М. Современные международные отношения: Учебник / А.В. Абрамова, Т.А. Алексеева, В.М. Морозов [и др.]; Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 688 с. – ISBN 978-5-7567-0871-4. – EDN YNNPZR

Морозов Владимир Михайлович (Российская Федерация)
«Квазигосударственные вооруженные акторы в конфликтах на Ближнем Востоке (на примере ХАМАС, «Хизбаллы» и ИГ²)»

Диссертация посвящена исследованию истории происхождения, причинах образования, идеологии и политических принципах трех ключевых силовых негосударственных субъектов на Ближнем Востоке: «Хизбалле», ХАМАС и «Исламском государстве» (запрещено в РФ).

Проведена впервые в российской исторической науке попытка системного, исторического и компаративного анализа основных силовых квазигосударственных акторов ближневосточного региона, разработан и применен в отношении «Хизбаллы», ХАМАС и «Исламского государства» (запрещено в РФ) термин «силовой квазигосударственный актор», использованный для обозначения промежуточного статуса вооруженных религиозно-экстремистских формирований, стремящихся получить право на обладание государственными властно-политическими полномочиями.

Полученные основные теоретические и практические результаты могут быть использованы при реконструировании оптимальных сценариев развития ситуации в регионе в контексте проблематики урегулирования ближневосточных конфликтов и при разработке внешнеполитическими структурами ближневосточной стратегии РФ.

Morozov Vladimir Mikhailovich (Russian Federation)
“Quasi-State Armed Actors in Middle East Conflicts (based on Hamas, Hezbollah and ISIS³)”

The dissertation is devoted to the study of the history of origin, reasons for the formation, ideology and political principles of three key non-state power actors in the Middle East: Hezbollah, Hamas and the “Islamic State” (banned in Russia).

For the first time in Russian historical science, an attempt was made to systematically, historically and comparatively analyze the main power quasi-state actors in the Middle East region, the term “power quasi-state actor” was developed and applied to Hezbollah, Hamas and the “Islamic State” (banned in Russia), used to denote the intermediate status of armed religious-extremist formations seeking to obtain the right to possess state political and power.

The main theoretical and practical results can be used to reconstruct optimal scenarios for the development of the situation in the region in the context of the problems of settling Middle East conflicts and in the development of the Middle East strategy of the Russian Federation by foreign policy structures.

² Здесь и далее ИГИЛ решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. N АКПИ14-1424С — признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

³ Hereinafter, ISIS, by decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 29, 2014 No. АКПИ14-1424С, is recognized as terrorist and its activities are banned on the territory of the Russian Federation.

